

RU

Любовь как воплощение азартной игры (на материале романа Ф. М. Достоевского «Игрок»)

Жунева Е. С.

Аннотация. Цель исследования - продемонстрировать, что изначально азартная натура личности способна превратить в азартную игру иную деятельность. В статье рассматривается одна из возможных форм проявления игровой страсти, а именно особая форма любви. В качестве материала исследования используется роман Ф. М. Достоевского «Игрок». Научная новизна заключается в том, что впервые отношения, связывающие главных героев романа, рассматриваются не как причина игровой зависимости, а как следствие азартности Игрока. В результате доказано, что Игрок обладает имманентной азартностью, способной проявляться не только посредством азартных игр, но и иных жизненных процессов.

EN

Love as Embodiment of Gambling (by the Material of F. M. Dostoevsky's Novel "The Gambler")

Zhuneva E. S.

Abstract. The purpose of the study is to demonstrate that an individual's inherently risk-loving nature is able to turn other activities into gambling. The article considers one of the possible forms of manifestation of gambling passion, namely a special form of love. The author uses F. M. Dostoevsky's novel "The Gambler" as the research material. The study is novel in that it considers relationships between the main characters of the novel not as a cause of gambling addiction but as a consequence of the Gambler's penchant for risk taking. As a result, it is proved that the Gambler has an immanent penchant for risk taking, which can manifest itself not only through gambling but also through other life processes.

Введение

Актуальность темы исследования обуславливается неразрешимой проблемой игровой зависимости, существующей в России с незапамятных времен, вызванной, вероятно, некоторой склонностью русского характера к азарту и риску. Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» представляет собой целостную энциклопедию русской страсти к азартным играм. Помещая в центр повествования молодого, «беспорядочного и неустановившегося» в своих жизненных принципах человека, Достоевский наделяет его всеми присущими качествами истинного игрока. Немногие существующие исследования, основанные на материале данного романа, рассматривают азартную природу игрока только в контексте его «отношений» с рулеткой, чаще всего совершенно игнорируя линию взаимоотношений с главным женским персонажем – Полиной Александровной. Если же эти отношения принимаются во внимание, то в качестве неразделенного чувства главного героя, «спускового механизма», инициировавшего страсть главного героя. Иначе говоря, предполагается, что онтологически любовь предшествует страсти к азартной игре. Чувства к девушке являются побудительной силой действий героя: движимый желанием ответного чувства, он отправляется на рулетку, полагая одним выигрышем занять более высокое положение в глазах любимой и общества. Однако мы полагаем, что причинно-следственные связи в данном романе реализуются в обратном порядке. Любовь Алексея Ивановича – не причина его увлечения азартными играми, а следствие. Нам представляется, что значение чувств, связывающих главных героев, гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд: они вскрывают имманентную природу Игрока. Не безответная любовь подтолкнула Игрока к рулеточному столу, а его изначально азартная натура извратила романтическое чувство, превратив его в особую форму игры. На наш взгляд, такой подход значительно расширяет понимание личности Игрока и его страсти. В данной работе мы предпринимаем попытку обоснования данного тезиса. Для этого необходимо решить следующие задачи: во-первых, продемонстрировать характер

рассматриваемого антропологического типа, то есть Игрока; во-вторых, доказать, что чувства, связывающие главных героев Ф. М. Достоевского, не являются любовью в ее христианском понимании; наконец, в-третьих, раскрыть изначально азартную природу Игрока.

Методами исследования, применяемыми для решения поставленных задач, являются анализ, позволяющий выявить составляющие признаки игровой природы, и герменевтический метод, с помощью которого интерпретируются смыслы, заключенные в романе, что способствует углублению в сущность рассматриваемого вопроса. Теоретической базой исследования являются труды Н. А. Бердяева [2] и И. А. Ильина [6], посвященные русской национальной ментальности; воззрения Митрополита Антония Сурожского [7] относительно природы любви; а также, работы В. Ш. Сабирова [8; 9] о сущности любви. Практическая значимость данной работы заключается в том, что раскрываемая имманентность азартности русского игрока может быть использована в процессе изучения игровой зависимости в психологии и ряде смежных дисциплин.

Характерные особенности Игрока

Прежде чем углубиться в проблему любовных взаимоотношений, необходимо представить общий контекст характера главного героя, что, как нам кажется, способствует более глубокому пониманию вопроса. Главный герой Достоевского Алексей Иванович – русский дворянин двадцати пяти лет, получивший хорошее образование и обладавший незаурядным умом, по всей вероятности, является сиротой или чем-то в подобном роде. Автор не дает нам никаких сведений о семье главного героя, но, учитывая, что он вынужден пребывать на унижительной для него во всех отношениях должности домашнего учителя, мы в праве предположить, что он не имеет какой-либо финансовой поддержки родных и мирится со своим положением исключительно ради добывания средств к существованию. Кроме того, Достоевский относит Алексея Ивановича к той породе людей, которых называли тогда «заграничные русские». Доходя даже до самой крайней точки, он тем не менее предпочитает «идти в лакеи», нежели возвращаться на родину. Еще в размышлениях над планом «Игрока» в письмах к своему издателю Федору Михайловичу отмечает, что его герой – один из тех, кто полагает, «что ему нечего делать в России» [5, с. 51]. Последнее позволяет нам увидеть идейную преемственность с «Зимними заметками о летних впечатлениях», в которых Достоевский дал довольно подробный образ нескольких типов заграничного русского. Алексей Иванович вынужден находиться в семье, глава которой подвержен инфантильному благоговению перед Европой. Генерал испытывает очевидное подобострастие перед иностранцами и даже необъяснимый стыд за свое отечество: «Иногда русские за границей бывают слишком трусливы и ужасно боятся того, что скажут и как на них поглядят, и будет ли прилично вот то-то и то-то? – одним словом, держат себя точно в корсете, особенно претендующие на значение» [4, с. 238]. Однако, несмотря на влияние окружения, Алексей Иванович, напротив, видел во всем этом раболепстве унижение собственных национальных чувств, он с презрением относился к поведению генерала («Так неужели смотреть на наших русских? Они сидят здесь – пикнуть не смеют и готовы, пожалуй, отречься от того, что они русские» [Там же, с. 211-212]). На наш взгляд, именно такой тип заграничного русского имел в виду Достоевский в своем очерке: «...совершенно особый тип нашей русской Европы, это тип милый, восторженный, страдающий, взывающий и к России, и к почве, а между тем все-таки уехавший опять в Европу» [Там же, с. 61]. Человек такого типа, безусловно, умен, красноречив, свободолюбив и благороден, однако при всех положительных качествах он абсолютно бесполезен для общества, истеричен и к тому же нарцисс и бездельник. Таким образом, события романа развиваются вокруг такого онтологически сложного характера, по выражению самого Достоевского, его герой – «натура непосредственная, человек, однако же, многообразный, но во всем недоконченный, изверившийся и не смеющий не верить, восстающий на авторитеты и боящийся их» [5, с. 51].

Повествование застаёт главного героя в момент крайнего психологического напряжения, что, как нам кажется, является довольно характерным приемом для творчества Достоевского. Алексей Иванович предстает перед нами как одинокий скиталец (показательно, что роман начинается с его возвращения), жалким отщепенцем без рода и племени, скитающимся по европейским городам в свите генерала. Подначальное положение в генеральской семье чрезвычайно угнетает героя, сам генерал явно не относится к нему как к равне, скорее как к некому подобию слуги: «Генерал смотрел чрезвычайно независимо, поговорил со мной свысока» [4, с. 208]. Унижительность положения усугублялась пренебрежительным отношением к нему со стороны иностранных друзей генерала, которые либо воспринимали его небрежно и презрительно (как де Грие), либо вовсе не замечали (как мадмуазель Бланш) – «monsieur le compte сам бывал в России и знает, как невелика птица – то, что они называют outchitel» [Там же, с. 209]. Стоит признаться, что и сам Алексей Иванович не совершает таких поступков, за которые к нему можно было бы проникнуться хоть сколько-нибудь благородным чувством. С одной стороны, осознание, что никто из окружения не выказывает ему уважения, а с другой стороны, необъяснимая невозможность отойти от этой семьи сеют в Алексее Ивановиче противоречивые настроения, рвущие его душу сильнее, чем испытываемое им унижение. Внутренний антагонизм героя находит выражение в «девиантном» поведении, заключающемся в вызывающих выходках, различного рода провокациях и даже некоторых формах агрессии («Я был в странном настроении духа... Кончилось тем, что я разозлился и начал грубить» [Там же, с. 210]). Необходимо подчеркнуть, что действия героя являются полностью осознанными, он не скрывает и как бы упивается своей невоздержанностью: «...и я ответил ему, что я еретик и варвар» [Там же, с. 211]. Намеренно придавая своему поведению нахальный и неуместный характер, Алексей

Иванович наслаждается эффектом, производимым им на окружающих («Я явился сам, так что генерал посмотрел на меня с неудовольствием» [Там же, с. 209]). Вероятно, герой, дошедший до кульминационной точки своей внутренней катастрофы, уткнувшись в тупик своих душевных мук, не находит лучшего решения, как выйти из подзаконного существования, разорвать сковывающие его пути и выйти в иное измерение бытия своей личности. Он позволил свободно извергаться и сжигать застывшие бытовые уклады пламенному потоку своеволия, который долгое время был заперт на задворках его сознания. В этом бунте героя против установившихся форм жизни мы наблюдаем типичный для Достоевского духовный эксперимент, раскрывающий истинные глубины человеческой природы. Только отпущенный на свободу человек, оторвавшийся от природы, восставший против объективного миропорядка и объявивший своеволие, только такой человек может продемонстрировать внутреннюю трагедию единой человеческой судьбы [2, с. 341-347]. Герой подвержен иррациональной потребности в свободе, причем в самой безумной ее форме. Такая свобода не подразумевает разумного блага для кого бы то ни было, так как находится онтологически выше благоразумия как такового. Не предполагает такая свобода и моральной регламентации, потому как своим безумием влечет за грани дозволенного человеку: «...во все последнее время мне как-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои к какой бы то ни было нравственной мерке. Другое управляло мною...» [4, с. 218].

Истинная сущность любви Игрока

Взаимоотношения с Полиной Александровной составляют отдельный и наиболее бурный источник мучений Алексея Ивановича. Уже при первом приближении нам открывается уродливый характер этой «любви». Между так называемыми «влюбленными» абсолютно отсутствует какой-либо намек на одухотворенную нежность и благоговейный трепет. Вместо этого они полны ядовитой злости, извергающейся в форме взаимных издевок и экспериментов («Что ж, меня действительно развлекает, как вы беситесь» [Там же, с. 213]). Более важным представляется то, что при детальном рассмотрении нам открылось трагическое несоответствие природы взаимоотношений Алексея Ивановича и Полины Александровны христианскому пониманию любви, что в контексте произведений Ф. М. Достоевского не может оказаться случайностью. На наш взгляд, отношения, представленные автором, полностью противоречат сущности любви, прекрасно оформленной митрополитом Антонием Сурожским в следующих словах: «Любить расслабляющей любовью, любить такой любовью, которая все допускает и позволяет человеку становиться все мельче и мельче, все более жестоким, все более себялюбивым, – это не любовь. Это измена. Любовь должна быть требовательной. Не в грубом смысле, не так, как мы часто действительно требуем от других того, чего сами не согласны делать, что для нас кажется слишком трудным, налагая на них бремена, которые мы не способны или не хотим нести. Нет, требовательность в любви сказывается прежде всего в том, чтобы любимого человека вдохновлять, чтобы его уверить в том, что он бесконечно значителен и ценен, что в нем есть все необходимое, чтобы вырасти в большую меру человечности» [7, с. 40-41].

В первую очередь христианскому пониманию любви противоречит рабский характер, присущий данным отношениям. Алексей Иванович бесконечно повторяет сам себе и окружающим, что он лишь раб, ничто перед Полиной Александровной. Создается ощущение, что эта приниженность и подчиненное состояние доставляют ему удовольствие, некое извращенное чувство наслаждения, сравнимое, на наш взгляд, с чувством фатализма, покорности судьбе, испытываемым игроками за рулеткой. Примечателен в данном случае момент зарождения в душе героя этой ненормальной любви, упомянутый Достоевским лишь вскользь, но полностью вскрывающий основу этого чувства. Не внешняя красота или внутреннее очарование, а скользнувшие во взгляде власть и надменность стали причиной этой склонности: «Глаза – настоящие кошачьи, но как она гордо и высокомерно умеет ими смотреть» [4, с. 234]. В ее, безусловно, напускном высокомерии ему вдруг почудилась внутренняя сила, гораздо превышающая его, такая сила, подчиниться которой – наслаждение: «...она, раз вечером, в зале с Де-Грие долго и горячо разговаривала. И так на него смотрела... что потом я, когда к себе пришел ложиться спать, вообразил, что она дала ему пощечину, – только что дала, стоит перед ним и на него смотрит... Вот с этого-то вечера я ее и полюбил» [Там же]. Исключительно осознание ее внутреннего превосходства, ее недоступности и невозможности осуществления его желаний привязало его и вынудило преклонить свои колени, словно перед абсолютным величием. В этом контексте вполне закономерно представляется добровольное подчинение всей его жизни воле Полины Александровны. Таким образом, нам открывается неравенство влюбленных по отношению друг к другу: рабское положение одного и позиция господина другого. Алексей Иванович добровольно растворяется в предмете своей любви, тем самым теряя свою уникальность, подавляя личностное начало в самом себе. Такое самоумаление, усугубляющееся подтверждением его никчемности со стороны Полины Александровны, противоречит христианской идее духовного возвышения, кроющегося в настоящей любви. Истинная полноценная любовь подразумевает равенство сторон: личность способна полюбить только другую равнозначную личность, не умаляя ее притязаний на собственные проявления [8].

«Любовь в ее эмпирическом выражении – не что иное, как желание вечной жизни с любимым» [9, с. 102]. Если придерживаться такого определения любви в рамках ее христианского толкования, то отношения Алексея Ивановича и Полины Александровны не имеют с этим светлым чувством ничего общего. Так, идея смерти очень часто возникает в мыслях влюбленных относительно друг друга. Прежде всего, это – навязчивая идея прыжка со Шлангенберга, которая как бы преследует героев, они возвращаются к ней всякий раз во время

максимального накала страстей между ними. Прыжок выступает символом всей полноты той жертвы, которую готов принести герой во имя своего чувства, и эта жертва – самоубийство («А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы на Шлангенберге, на модном пуанте, она действительно сказала мне: “бросьтесь вниз”, то я бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением» [4, с. 214]). Отметим, что Полина Александровна отнюдь не ужасается подобной перспективой, напротив, она профанирует этим «возвышенным» порывом, превращает его в фарс: «Вы клялись, что соскочили бы с Шлангенберга; вы клянётесь, что вы готовы убить, если я прикажу. Вместо всех этих убийств и трагедий я хочу только посмеяться. Ступайте без отговорок. Я хочу посмотреть, как барон вас прибьет палкой» [Там же, с. 231]. К тому же герой в своем исступлении нередко доходит до мыслей о преступлении. Анализируя свои чувства к возлюбленной, он всякий раз как бы упирается в тайное греховное желание убить ее: «Бывали минуты, что я отдал бы полжизни, чтобы задуть ее» [Там же, с. 213]. Эти необузданные приступы жестокости по отношению к себе и к любимой не являются признаками глубокого и чистого чувства, они представляют собой ни что иное, как попытку проявления безрассудного своеволия, желания совершить что-то радикальное, какую-то дикость, нарушающую все законы человеческие, и, что еще страшнее, законы Божьи. Невероятно точно Ф. М. Достоевский описывает подобный тип в «Записках из Мертвого дома»: «...точно подмывает его перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой... <...> Всё это может быть похоже на то ощущение, когда человек с высокой башни тянется в глубину, которая под ногами, так что уж сам наконец рад бы броситься вниз головою: поскорей, да и дело с концом!» [3, с. 88]. Герой, охваченный фатальной страстью к бездне, словно приближается к последнему пределу и заглядывает за черту известного. Тем самым Игрок реализует свою тягу к опасности, испытывая при этом щекочущий азарт риска и упоение от непредсказуемого.

Открывшиеся нам рабский характер отношений и чудовищная тяга к уничтожению демонстрируют экзистенциальное смешение упомянутого типа любви и азартной игры. Полина Александровна становится для героя воплощением всесильного фатума, одновременно возбуждая в нем чувства любви и ненависти, покорности и власти: «И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то есть, лучше сказать, я опять, в сотый раз, ответил себе, что я ее ненавижу. Да, она была мне ненавистна» [4, с. 214]. В ситуациях крайнего проявления азартной страсти границы ощущений размываются: страдание и наслаждение, любовь и ненависть, власть и подчинение в своей предельной степени выраженности сплетаются в единый всеразрушающий порыв [1]. Идентичные ощущения – на грани любви и ненависти – возникают у Игрока за рулеточным столом. Испытывая невероятные страдания от собственной ничтожности, полностью осознавая глубину своей жизненной и сопутствующей нравственной катастрофы («Если б они знали, до какой степени я сам понимаю всю омерзительность теперешнего моего состояния...» [4, с. 311]), он тем не менее дрожит от восторга в те короткие мгновения прокатывания шарика по колесу. Именно ради этих «восхитительных» секунд он продолжает свое падение в бездну безумного риска: он раб собственных страстей и наваждений. Дух Игрока не способен преодолеть в себе те душевные влечения, которые ведут его «по пути злобы, порочности, лени, безудержных наслаждений, необузданных порывов, словом, по пути унижения и разложения» [6, с. 187-215]. Каждый раз, когда Алексей Иванович задает Полине Александровне неудобный вопрос о ее связях с Де Грие и Астлеем или когда навязчиво и грубо предлагает ей свои чувства, он рискует навсегда отвернуть ее от себя. Безусловно, что это полностью осознанный риск, он словно запускает вращение рулетки: дразнит ее, испытывает, до каких пределов он еще может пойти в их взаимоотношениях. Худшим исходом для него было бы ее полное безразличие: пусть издевается, пусть смеется, пусть посылает на смерть, только бы позволяла продолжать игру. Вероятно, еще большей трагедией для азартной натуры Алексея Ивановича была бы ее взаимность, ведь это исключало бы возможность игры вовсе. Не поэтому ли он так же бездарно потерял уже почти покорённую Полину Александровну, как бездарно растратил свой огромный выигрыш?

Заключение

На основе вышеприведенных рассуждений представляется возможным сделать следующие заключения.

Во-первых, в основе взаимоотношений, описанных Достоевским в «Игроке», полностью отсутствуют какие-либо духовные начала. Отрицание бессмертия и равенства личностей исключает из контекста этой любви одухотворенность, а значит, и ее осуществимость как таковую. Безвыходный трагизм отношений обусловлен их экстатическим характером: любовь, лишенная формы и меры, не может привести к подлинному соединению, такая любовь есть путь к страданиям. Кроме того, писатель отнимает у Полины Александровны просветленность, присущую женской природе по христианским канонам, и наполняет ее надрывностью и истеричностью. Вместо образа просветленной девы мы видим «древнюю императрицу», которой главная героиня предпочитает оставаться до конца. Ее образ представляет собой притягательную бездну, но именно ею и одержим Игрок. Под властью этой ложной идеи любви Алексей Иванович теряет свой человеческий облик, погружается в унижение и рабство. Таким образом, отношения, подразумевающие подобострастное подчинение одного изломанной природе другого, не являются светлой духовной любовью. Иначе говоря, герои Достоевского изначально обречены на разлуку.

Во-вторых, нам ясно представляется, что Алексей Иванович испытывает чувства не к самой Полине Александровне, а к той самой бездне, которую Достоевский кладет в основу образа девушки. Другими словами, Игрок находится в рабстве не у самой возлюбленной, а у фатального рока, у безудержного желания испытывать

судьбу. Игрок в целом едва ли видит реальную личность девушки, он видит древнюю императрицу, раздваивающуюся перед своим невольником, не считая его человеком. Постулат ее недостижимости был выдвинут им самостоятельно: он любит свой безличный объект поклонения за недоступность, за ощущения хождения по краю бездны. Закономерно, что именно после непосредственной реализации себя как игрока, после «настоящего» знакомства с азартной игрой образ Полины Александровны меркнет: «...но странно, – с самой той минуты, как я дотронулся вчера до игорного стола и стал загребать пачки денег, – моя любовь отступила как бы на второй план» [4, с. 300]. Ее неприступность вдруг рушится, но это уже не имеет для Игрока никакого значения, так как в этот момент для него разрушилась и «любовь». Переживание новых бурных впечатлений и удовлетворение его дикой потребности к риску посредством игры оказались гораздо сильнее тех эмоций, которые ему дарила эта любовь. Чувства к девушке притупились, более острые ощущения создали необходимость в еще большем риске: «Может быть, перейдя через столько ощущений, душа не насыщается, а только раздражается ими и требует ощущений еще, и все сильней и сильней, до окончательного утомления» [Там же, с. 294].

В-третьих, по всей видимости, Достоевский изначально подразумевает в образе Алексея Ивановича азартную натуру: он игрок по своей сути. Подтверждения тому обнаруживаются в самом начале повествования, когда генерал заявляет еще «девственному игроку»: «...вы еще довольно легкомысленны и способны, пожалуй, играть» [Там же, с. 209]. Кроме того, он сам чувствовал неотвратимость появления азартной игры в своей судьбе. Вся предыдущая жизнь Игрока, в том числе и отношения с Полиной Александровной, была лишь подготовкой, «тренировкой» перед большой ставкой («что-нибудь непременно произойдет в моей судьбе радикальное и окончательное» [Там же, с. 215]). Вероятно, поэтому после его «воссоединения» с рулеткой личность Игрока прекращает свое развитие. Достоевский «заканчивает» образ Игрока в словах мадемуазель Бланш («Ты умный и добрый человек... и... и... жаль только, что ты такой дурак! Ты ничего, ничего не наживешь!» [Там же, с. 308]) и мистера Астлея («Да, вы погубили себя. <...> ...вы останетесь здесь, и ваша жизнь кончена» [Там же, с. 317]). После прочтения этих слов мы понимаем, что Игрок дошел до крайней точки, что в его характере трудно ожидать каких-то перемен, и его деятельная жизнь, по сути, окончена.

На основе данных заключений мы приходим к выводу, что эта загадочная, одновременно зажигающая и уничтожающая связь не является причиной зарождения страсти Алексея Ивановича к рулетке и его последующего нравственного падения. Эта inferнальная форма любви воплощает в себе азартную игру для натуры, являющейся Игроком по своей природе. Любовь не инициировала страсть к риску, она лишь выступила формой компенсации азартной игры в жизни Игрока. Таким образом, Достоевский представляет нам личность, в принципе не способную на искреннюю духовную любовь как таковую, Игрок обречен на бесконечное падение под властью своей страсти.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении сущности антропологического типа Игрока, гениально созданного Ф. М. Достоевским в одноименном романе.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-90001\20, проект «Философская антропология Ф. М. Достоевского: целостная система проблем, типология и герменевтика».

The reported study was funded by the RFBR as a part of the project “F. M. Dostoevsky’s philosophical anthropology: Integrated system of problems, typology and hermeneutics”, project number 18-011-90001\20.

Источники | References

1. Бардыкова И. В. Мотив падения в романе Ф. М. Достоевского «Игрок» // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир): материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 13-14 мая 2016 г.) / НИУ БелГУ; Социал.-теолог. фак.; Ин-т полит. исследований; отв. ред. А. П. Кривец, М. В. Коваленко, В. Е. Пеньков. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13-18.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Э, 2016. 512 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 4. Записки из Мертвого дома. 327 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 5. Повести и рассказы. 1862-1866 (Скверный анекдот. Зимние заметки о летних впечатлениях. Записки из подполья. Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже). Игрок: роман. 407 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 28: в 2-х кн. Кн. 2. Письма, 1860-1868. 616 с.
6. Ильин И. А. Путь духовного обновления. Мн.: Изд-во Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2012. 928 с.
7. Митрополит Сурожский Антоний. Человек перед Богом. М.: Фонд «Духовное наследие», 2019. 528 с.
8. Сабиров В. Ш. Любовь как откровение личности - божественной и человеческой // Человек. 2003. № 5. С. 111-122.
9. Сабиров В. Ш. Любовь как откровение личности - божественной и человеческой // Человек. 2003. № 6. С. 100-110.

Информация об авторах | Author information

RU

Жунева Екатерина Сергеевна¹

¹ Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск

EN

Zhuneva Ekaterina Sergeevna¹

¹ Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk

¹ ekaterinazhuneva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): азартная игра; игрок; любовь; азартность; Ф. Достоевский; gambling; gambler; love; penchant for risk taking; F. Dostoevsky.